

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья

УДК 82-32

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-352-372

EDN: NLFSZC

ТВОРЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ МИФОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ Б. ЧИПЧИКОВА

Асият Даутовна Атабиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Аннотация. В статье затронута значимая в современных реалиях теософская проблематика с намерением рассмотреть примеры адаптации и качественной реконструкции религиозных сюжетов, библейских мифологем, фрагментов из священных писаний в творчестве русскоязычного автора Б. Чипчикова. Цель работы заключается в выявлении прецедентных включений, цитат и реминисценций религиозного характера в произведениях балкарского прозаика. В центре исследовательского внимания – семантика библейских аллюзий, интертекстуальный дискурс, формы образного отражения мира посредством мифотеологем. В ходе анализа раскрываются скрытые смыслы художественного текста, идейное наполнение рассказов и новелл в аспекте заложенных в них сакральных значений, происходит расшифровка философско-символических образов с точки зрения их семиотического статуса, считывание свернутого в них подтекста. Главной задачей предпринятого исследования является определение специфики индивидуального мировидения писателя, уточнение идейно-художественной основы его произведений. Мы стремились определить гуманистическую суть авторской антропологии, заключающейся в декларации идей личностного самосовершенствования, ценности человеческой жизни, важности духовного зрения, интуитивного чувствования, переосмысления божественного замысла и многих других сопрягаемых тем. Рецептивная эстетика и интенциональность автора позволяют моделировать условную картину мира, художественно воплощенную во всем многообразии контекстовых проявлений.

Ключевые слова: библейский миф, цитация, семантика образа, мифотеологема, авторская интенциональность, рецептивная эстетика, интертекстуальный дискурс.

Для цитирования: Атабиева А.Д. Творческая рецепция библейских мифов в русскоязычной прозе Б. Чипчикова // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 352-372. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-352-372. EDN: NLFSZC.

© Атабиева А.Д., 2023

Original article

CREATIVE RECEPTION OF BIBLICAL MYTHS IN THE B. CHIPCHIKOV'S RUSSIAN-LANGUAGE PROSE

Asiyat D. Atabieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>.

Abstract. The purpose of this article is to look at the theosophical issues that are significant in modern realities considering examples of adaptation and qualitative reconstruction of religious plots, biblical mythologies, fragments from the scriptures in the works of the Russian-speaking author B. Chipchikov. This project seeks to identify antecedent religious inserts, quotations, and reminiscences in the works of the Balkarian prose writer. The research focuses on the semantics of biblical allusions, intertextual discourse, forms of figurative reflection on the world through mythologems. In the course of the analysis, the hidden meanings of the literary text, the ideological content of stories and short stories in the aspect of the sacred meanings inherent in them are revealed, the philosophical and symbolic images are deciphered from the point of view of their semiotic status, the subtext rolled up in them is read. The primary goal of the research is to determine the specifics of the writer's individual perspective, as well as to define the ideological and creative foundations of his works. We attempted to describe the author's anthropology's humanistic essence, which consists in the proclamation of notions such as personal self-improvement, the value of human existence, the necessity of spiritual vision, intuitive feeling, rethinking the divine design, and many other related themes. The author's intentionality and receptive aesthetics enable us to model a conditional picture of the world, artistically embodied in all of its contextual expressions.

Keywords: biblical myth, citation, semantics of the image, mythologeme, author's intentionality, receptive aesthetics, intertextual discourse.

For citation: Atabieva A.D. Creative reception of biblical myths in the B. Chipchikov's russian-language prose. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 352-372. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-352-372. EDN: NLFSZC.

© Atabieva A.D., 2023

В настоящее время вопросы веры и в целом теософская проблематика звучат особенно остро, выходя на новый уровень осмысления. Вопросы эти требуют подчеркнуто корректного анализа в литературоведческих исследованиях ученых новой формации. В трактовке библейских сюжетов в литературе современности наметилась общая конструктивная тенденция синтеза различных интерпретационных гипотез. При этом значительный функциональный сдвиг произошёл в интегративном восприятии мирового художественного опыта. В контексте данной статьи, говоря словами Т.Е. Коморовской «вопрос освоения библейских мифов <...> интересуется нас не столько с чисто эстетической точки зрения, не столько ради выявления их парадигмы в мировой литературе на определенном историческом отрезке времени, сколько для определения национального менталитета, национальной психологии, проявившейся в подобном усвоении» [Коморовская 1999: 150]. И неслучайно в качестве репрезентативного материала избрана русскоязычная проза балкарского писателя Бориса Чипчикова.

Методологическими ориентирами исследования послужили научные разработки отечественных ученых. Это, в частности, статья Ю.М. Лотмана «Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция» [Лотман 1996], в которой обосновывается связь художественного творчества с религиозной идеологией. Означенная проблематика развивается и в диссертационных исследованиях А.В. Кремневой «Функционирование библейского мифа как прецедентного текста: на материале произведений Джона Стейнбека» [Кремнева 1999], В.Е. Касьянова «Эволюция религиозности в постсоветской России» [Касьянов 2005], А.В. Касьянова «Библейские мотивы и образы в сюжетостроении русского романа XX века» [Касьянов 2007]. Феноменологическая интерпретация библейских сказаний в литературе раскрыта в работе Г.Г. Ишимбаевой «Трансформация библейского мифа в литературе постмодернизма («Агасфер» Стефана Гейма)» [Ишимбаева 1997]. Ценные соображения содержатся в научных публикациях Н.И. Конрада «Запад и Восток» [Конрад 1972], И.С. Урюпина «Библейский контекст в русской литературе конца XIX – первой половины XX века» [Урюпин 2020], Коморовской Т.Е. «Библейские мифы в русской и американской литературах» [Коморовская 1999], В.В. Касьянова и В.Н. Нечипуренко «Социология религии» [Касьянов, Нечипуренко 2023] и др. Вышеперечисленные труды взяты за основу в выстраивании концепции данной статьи.

Религиозная проблематика во все времена в опосредованной форме имела влияние на художественное творчество. Востребованность этой темы очевидна как в русской, так и в национальной словесности. В литературе нынешней эпохи творческая рецепция религиозных мифов является определяющей чертой постмодернистского течения. С точки зрения адаптации архаического мифа (и религиозного в особенности) представители указанного направления находятся в авангарде современной российской прозы. В данном случае их главной эстетической установкой является отрицание устоявшегося мировоззрения, под сомнение ставятся всевозможные идеологии, среди которых наибольшую силу имеют нормативы социума.

На примере русскоязычной прозы Б. Чипчикова легко убедиться, что «миф, трансформированный в литературу постмодернизма, диаметрально образом меняет свое звучание» [Ишимбаева 1997: 150]. Эмблематическая условность (одна из характерных черт нереалистической эстетики) находит плодотворное применение в прозе балкарского писателя. Конкретно-фактическая достоверность для него не столь важна, сколь существенен создаваемый смысловой контекст. Структурно-семантическое единство текста достигается посредством таких художественных приемов, как цитация, аллюзия, интертекст. Наличие прямых и косвенных цитат наблюдается в содержании большинства новелл указанного автора.

Можно сказать, что библейские мифы составляют творческий ресурс Б. Чипчикова. Мировидением писателя, уникальным в своем роде, обусловлено преломление мифопоэтических традиций. Такие модернизированные религиозные сюжеты получают новую жизнь в современном событийном контексте и направлены они на поиск духовных ориентиров, декларацию нравственных ценностей. Религиозная семантика образов не нуждается в дополнительных разьяс-

нениях. Библейские аллюзии всегда получают историко-культурный ракурс. Говоря о характере рецепции библейских мифов в своем творчестве, автор пишет следующее: *«Из старого я взял всего одну заповедь: «Возлюби ближнего, как самого себя». Из современного – стих И. Шкляревского «Твоя слеза течет по щеке моей». Соединил два Евангелия, и получилось одно. Излишне уже говорить «не убей». Ну как ты убьешь, если любишь ближнего, как самого себя, и его слеза течет по щеке твоей. «Не убий! – обращение к мертвому, ибо живущий убить не сможет, а убивший – мертв. Оказывается, льется не чужая кровь, а своя. И из-за чего льется? Из-за самого пустого, погремушечного, не наполненного никаким содержанием слова – «победа» [Чипчиков 2008: 503].* Приводимая цитата выхвачена из контекста рассказа «Там, где будет стоять дом», и в данном отрывке четко обозначены доминантные нравственные императивы писателя, в некотором роде согласующиеся с первоисточником, но все же совсем по-иному расшифровывающие привычные слуху библейские заповеди. Отталкиваясь от содержания священного писания, автор концентрируется на отражении соотношения добра и зла в душе человека (героя).

В прозе Б. Чипчикова наблюдается преобладание трансцендентных символов, экзистенциальных, эсхатологических идей, часто раскрываем мотив мученичества (в цитациях библейских историй об Иисусе, крестных муках Христа), характерна также ироническая манера героя-рассказчика. Образно-языковые средства подобраны писателем с «контекстуальной чуткостью», и данное определение Ф. Урусбиевой достаточно объективно транслирует своеобразие идейно-смысловых линий, заключенных в произведениях балкарского прозаика. Его творчество исключительно символично, имеет выраженный метафорический характер. Художник будто погружает читателя в пограничное медитативное состояние, когда пределы яви и сна практически размыты, границы между мифом и реальностью не очерчены.

В свете библейской традиции можно рассмотреть целый ряд новелл талантливой автора. Содержание текстов вбирает всю глубину философско-онтологического осмысления общеизвестных духовно-религиозных учений, выводя субъективные объяснения существующего вселенского миропорядка. Своеобразная «метафизическая интуиция» писателя улавливает из привычной действительности ценностные, узловые явления и преломляет сквозь призму индивидуального мироощущения. Подчеркивая живость и подлинность прозы Б. Чипчикова, избегающего в своем творчестве стандартных шаблонов и неустанно «обтесывающего глыбы для возводимого им храма», поэт и переводчик Г. Яропольский заключает: «Редко когда приходится испытывать такое совпадение внутренних ритмов; переживать ощущение уже посещавших, но не облеченных в слова мыслей; видеть ту самую глубинную реальность, <...> которую так трудно порой различить под шелухой <...> подробностей» [Яропольский 2013].

В исследуемом аспекте показателен рассказ «Мы жили рядышком с Граалем», эпиграфом к которому выбраны строки: «Мы пастыри себе и паства, // И пасться нам легко. // Мы вчера родились и ничего // Позабыть не успели». Писатель размышляет о времени, бытии и Боге, преобразовывая информацию,

преподносимую в священных книгах, и в процессе своих мыслительных усилий приходит к выводу, что «Грааль всегда неподалеку..., но нет на свете более дальней дороги» [Чипчиков 2013: 40], которая ведет к Богу. Герой Чипчикова достигает просветления, его осеняет мысль, что *Грааль* находится там, где «из камня выжимают зерна» (отсылка к образу родины), он там, где колючие чегемские скалы, где серебряными маяками светятся горы (пейзажи родной земли); и все, что нужно человеку для счастья, есть в отчем доме.

В отличие от христианской семантики слова, Грааль употреблен в контексте рассказа в переносном смысле, соединяя представления человека о счастье и раскрывая сакральный смысл теологической максимы. Рассуждая о вековом варварстве людей, их откровенно потребительском отношении к природе (безвозмездно и щедро одаривающей человечество своими благами), писатель подводит к философскому пониманию ответственности каждого перед миром. Жестокость по отношению ко всему живому в итоге разрушает душевную гармонию личности, а контрастирующие картины красоты и увядания природы отражают оппозиционную дихотомию добра и зла.

Писателем подчеркивается, что до Грааля не дойдет сытый и довольный, только искатель в рваных одеждах сумеет добраться до истины, на пути которой создано столько рукотворных преград. Великая пустота Грааля олицетворяет смысл жизни и ее опору, сама же чаша, наполненная кровью Иисуса, и средневековая легенда о ней преподносятся в неожиданном толковании. В Библии идеи абсолютной любви и принятия звучат из уст Спасителя, осознанно идущего на мучительную смерть ради искупления грехов всего человечества. Вместо символической жертвы Христа на фоне горного ландшафта в современных реалиях описывается сцена охоты и умерщвления тура. Звучат запоминающиеся слова героя-рассказчика: «*посмотрел в темно-синие громадные туры глаза, глаза неубитого нами, а пожертвовавшего собой осознанно существа, и взгляд этот не ведал смерти. <...> Я оглядел округу: моих друзей, застывших около тура, обросших и одетых в рванину <...> и враз наполнился любовью ко всему и всем: и к луне, и к горам, к друзьям своим и туру*» [Чипчиков 2008: 287].

Здесь же упоминаются Коран и старик, который двадцать лет учился, чтобы стать эфенди, он неспешно перебирает руками четки, а «*меж ним и Богом тьма воинствующих людей, воюющих против себя*» [Чипчиков 2008: 289]. В контексте произведения по-новому раскрывается и ветхозаветный сюжет о сотворении Евы из ребра Адама. В трактовке Б. Чипчикова главная задача мужчины состоит в том, чтобы создать из крохотной частички женщину (Офелию) и всячески оберегать ее. Ответственность за это действие не перекладывается на Бога, а лежит на нем самом. «Решив эту задачу, он решит все остальные» и будет вправе сказать, что он мужчина в истинном понимании.

Художественные рамки произведения «Меж крестом и полумесяцем» объединяют христианские атрибуты веры и основы Ислама. Повествование предваряется словами: «*Не мы идем к Богу, это Он приходит к нам*». Автор довольно категоричен в вопросах веры и убежден, что у истинной веры нет и не должно быть атрибутов или посредников. «*Вера теплится в птичьем гнезде, ... нежится в вечерней прохладе речной, <...> пузырится на краюшках губ спяще-*

го младенца», «Вера это деликатность», «Вера – самое хрупкое из всего хрупкого», – объясняет писатель. Герой-рассказчик выражает неприятие религиозных учений и священнослужителей, как трансляторов этих идей, их напускная набожность вызывает у него недоумение. Надо сказать, что в прозе Б. Чипчикова представлен фарсовый облик адептов религиозных культов: «попы в золоченых рясах, с громадными крестами на груди», «муллы, в шелковых роскошных халатах и немислимых тюрбанах» (он называет их «ряжеными»). В понимании художника все это целенаправленно убивает веру – хрупкую гармонию между высшим «Я» и осознанием души своего истинного потенциала. Иными словами, для писателя важна «мера подлинности» в вере.

Иронизируется синкретическое мышление приверженцев тех или иных теософских учений, поскольку оно не способно дифференцировать веру и религию, характеризуясь слитным восприятием разных по семантике понятий. До сих пор в социуме наблюдалась идеализация церкви и святого писания, которая не допускала альтернативных толкований.

Содержание рассказа «Меж крестом и полумесяцем» освещает время завершения мусульманского поста, когда люди по традиции поздравляют друг друга с окончанием уразы. За ней следует праздник Рождества – радость «для молящихся и печаль для сирот». Само слово «рождество» берет начало от рождения, крест же указывает на конечность земного существования. «Вера дается, а не приобретается», говорит герой произведения, «и дается она в начале, а никак не в середине или в конце. Просто некоторые запоздало с ней встречаются, но она была в них изначально». И далее продолжает парадоксальную, но очень глубокую мысль: «Еще не было человека, который пришел бы к Богу: это невозможно, ибо не мы идем к нему – это Он приходит к нам. «Званых было много – избранных мало». Христос выбирал. Выбирали и Христа» [Чипчиков 2013: 83].

В сопряжении с этой темой раскрывается мотив сиротства: у сироты есть «вчера и есть завтра», но нет сегодняшнего дня, продолжает свои рассуждения рассказчик. Автор повествует о горечи сиротской доли, тяготах минувшей войны, детдомовцах, подростках в заношенных одеждах. Во всем этом видна обездоленность людская. Писатель желает донести до своего читателя, что не существует дороги к Богу, «есть Путь, исходящий от Него». С этой идеей увязан образ человека идущего. Несмотря на все социальные ограничения и установки, на влияние идеологий, государственных институтов, на «силу креста и полумесяца», люди не прекращают идти, нести тепло веры в своей душе. Идущих становится все больше, они помогают друг другу выбраться из «сугробов», преодолевая земное притяжение, и в какой-то момент уже готовы шагнуть в иные измерения. Герой признается: «И в минуты растерянности, непонимания, когда я чувствую, что навек заблудился, я вижу ниточку из добрейших тополей, росших у теплой дороги, – и я хватаюсь за нить ту и с облегчением выбираюсь из заблуждений своих» [Чипчиков 2013: 84]. Так и творчество самого писателя служит ориентиром, нитью, способной вывести из лабиринта навязанных обществом ошибочных установок, регламентирующих жизнь человека от рождения до самой смерти, мешая найти верный путь, создавая «тесноту для ума и сознания». В мире, где «зрячий объявлен слепым», а «понимающий – сума-

сшедшим» – слова взяты из рассказа «Там, где будет стоять дом», но они как нельзя более точно выражают суть дальнейших рассуждений писателя об окружающей его реальности.

Веру писатель ощущает как движение, чтобы ее прочувствовать, нужно самому находиться в состоянии благодати, поэтому в вере всегда пребывают дети. На ассоциативном уровне происходит отсылка к заповеди Христа: «Будьте как дети, ибо их есть Царствие Небесное». Однако встреча главного героя с мальчиком в дни поста подсвечивает жесткое несоответствие – ребенок выглядит поникшим, несчастным, изможденным, тогда как изначальная задача веры – вселять радость в души людей. Но в жизни часто все перевернуто с ног на голову, сокрушается автор. Для нас сотворен этот мир, и мы сами творим его деяниями своими, ведь нужно всего лишь чувствовать, вдыхать и слушать, чтобы выбраться из собственных заблуждений. Так и множится число верующих, не нашедших свой путь. *«Хоть тысячу лет смотри на небо, ты не увидишь Бога. Бог затаился в другом. До века скончания молись – ты не увидишь Бога. Бог не приходит в одиночку и не приходит к одиноким. Он является вместе с Благодатью к тому, кто нашел Его в другом»* [Чипчиков 2013: 93]. Свои философские размышления автор подытоживает словами: *«Прошедший мимо человека – прошел мимо Бога»* [Чипчиков 2013: 85]. Та же идея развивается и в содержании новеллы «Здравствуй, незнакомый!», здесь уместно процитировать слова главного персонажа: *«Я учусь здороваться с людьми, если я не умею здороваться с людьми, то как я обращусь к Богу. Ибо слово наше доходит до Него только через другого. <...> Слово наше обретает смысл только пройдя через другого»* [Чипчиков 2018: 124]). Запахом веры вполне может быть запах снега; усталая дорога, удивленное небо, кот на солнечном подоконнике, пес в тени двора – все это живет в полной гармонии, и только люди нарушают хрупкое равновесие в мире. А *«все, что не вписывается в эту картину, и есть неверие»*.

В контексте рассказа «Меж крестом и полумесяцем» зашифрована загадка «черного человека», которая требует разъяснения для целостного постижения глубинных смыслов художественного текста. У него нет дома, но есть дорога. По сути, это обобщающий образ времени и судьбы: *«Он и не человек был вовсе, а время само. <...> Человек этот был и временем, и судьбой Балкарии – одновременно»* [Чипчиков 2013: 85]. Развивая свою мысль дальше, раскручивая смысловой потенциал образа, художник заключает: *«Черный человек грыз соль. Все, что он ел, превращалось в соль (метафора жизненных невзгод – примечания А.А.). И сжалился Бог над ним и превратил ту соль в сахар. И ходил черный человек по дорогам чужим и делился с людьми Божьим даром»* [Чипчиков 2013: 86]. Нетрудно догадаться, какое значение вкладывает писатель в обобщающую метафору – образ народа, испытавшего всю горечь изгнания, затем вновь обретшего родину, и готового счастье свое делить со всеми. То поколение (1940–1950-х), о котором живы воспоминания автора, выносило в себе эту свободу, пребывая в ней и сегодня, а «семена той свободы бережно собрали отцы».

В прозе Б. Чипчикова наиболее выраженной становится интенционально-условная линия, здесь часты архаические нарративы и эсхатологические паттерны. Автор делится сакральными знаниями, которые древнее самого челове-

чества, создавая дополнительные ассоциации, семантические смыслы. Художником раскрываются теологические концепты первородного греха, образа и подвоя Божьего, искупительной жертвы, Страшного Суда, Второго Пришествия и т.п., однако в них выявляются коннотативные различия, несоответствия истотному тексту. Так, в рассказе «Идущая по дорогам» затронута история об Адаме и Еве, которые *«погребли свежую, чистую, сочную, красивую истину, что дало им яблоко»* [Чипчиков 2008: 35]. В контексте произведения писатель говорит о бескорыстии, являющемся залогом победы добра над злом, а символическим отражением этого бескорыстия служит образ «старушки в белом платочке с ситцевым узелочком в руках». Она появляется всякий раз в значимый момент – момент выбора, *«бродит по черным горестным дорогам <...> во всем чистом», желая блага всему роду людскому, «нам бы пожалеть ее, она устала, очень устала»* [Чипчиков 2008: 36].

Цитатность, аллюзии, прецедентные тексты формируют узнаваемый чипчиковский стиль. Писателем предложен «до крайности уплотненный библейскими, философскими, историческими аллюзиями текст. Отрывистая, быстрая, трепетно-нервная фраза. В этом смысле он поэт, отказавшийся от метрики и пишущий прозу – на каждое слово в строке невероятная семантическая нагрузка. Как правило, это «вынутые» из жизни, зафиксированные памятью эпизоды. Сам автор определяет их как новеллы, но скорее это новеллы-эссе или эстетико-философские эссе. Он не занимается <...> «углублением» психологизма, это получается само собой без видимых усилий. Объект его страстного внимания – сфера духа человеческого» [Гемужева 2008: 500]. Приведем, к примеру, рассказ «На опушку – за медом, к роднику – за икрой», название, казалось бы, ничем не примечательное, однако и здесь вдумчивый читатель найдет для себя крупницы важных жизненных истин. Упоминание об Ангеле-хранителе на плече, о человеке идущем, о Боге: *«Не думай о дне завтрашнем своем – Бог об этом давно подумал», «У Бога все есть, и все бесплатно», «Уповая на Бога, ты осилишь любую дорогу, только не говори, что ты бедный. Бедный и короткого отрезка не осилит»* [Чипчиков 2013: 101-102]. Автором перефразированы известные высказывания «своя ноша не тянет», «дорогу осилит идущий», «уповай на Господа и держись пути Его» (Псалтырь) и т.д.

Философско-религиозные поиски Б. Чипчикова по-новому раскрываются в рассказе «Ваза ко дню рождения». В тексте имеет место отсылка к христианской молитве про Отца, Сына и Святого Духа и к образу Матери Божьей. В заглавие произведения выведен знаковый образ, жизненный опыт человека характеризуется как осколки этой чаши. Скрытые сакральные смыслы актуализируют религиозный план представленного символа. Самые важные фрагменты метафорической вазы служат *«пропуском в иные миры и жизни иные»* [Чипчиков 2008: 70]. Они представляют собой обрывки древних знаний, *«слепки всех бесконечных жизней»* души. Герой рассказа идет по этим черепкам (осколкам), отшвыривая ненужные, они дробятся на мелкие кусочки и прилаживаются обратно, тихо посмеиваясь тщетности его усилий стряхнуть с себя налипшую шелуху. Со временем на человеке образуется *«нелепый костюм из крошева»*. В

этой картине усматривается символическое напоминание о кармическом опыте, получаемом в жизни, от которого нельзя отмахнуться.

Духовность на чаше весов всегда должна перевешивать все остальное, убежден писатель. В его понимании «пышность убивает веру». Счастливого человека отличают аскетизм и неприхотливость, умение ценить дарованное Богом. Таковы нравственные императивы, декларируемые в новелле «Благословение долгам моим». Об этом слова главного героя: *«Надеюсь, я не настолько разгневал Бога, чтобы он сделал меня богатым. Какой крюк я бы дал, отрываясь от судьбы своей, и сколько плутал бы, чтобы вернуться на исходную сужденного мне»* [Чипчиков 2008: 220].

Б. Чипчиков неустанно ищет слово Божье, чтобы выстроить воображаемую лестницу в небо и приблизиться к Создателю. Каждый из нас пишет свой сценарий судьбы из таких вот «найденных слов», и у каждого своя ваза «вдребезги», так что вновь и вновь нужно собирать ее разрозненные осколки, глубоко прочувствовать силу слова, которое пахнет всем, что вкладывает в него человек, его произносящий. В слово можно вместить все – *«На слове человеческом земля держится»*, *«Братья по слову, взявшись за руки, держат шар земной»*. До читателя доносится мысль о необходимости услышать друг друга, призыв к единению, осознанию себя частью чего-то большего. В данном аспекте именно Слово делает человека причастным к судьбе других людей, посредством него и создается кровное родство.

Без преувеличения можно сказать, что творчество Б. Чипчикова озарено духовным зрением, светом божьим. Каждый раз наблюдая «эволюцию» библейского текста в композиции его рассказов, проникаешься провидческим даром писателя, прозрения которого берут начало из глубинной памяти души. Позиция автора антиклерикальна, основана на понимании себя Творцом и одновременно – важной частью вселенского замысла, духовным светом, разлитым во всем и везде. Творец проявляется в каждом. Писатель убежден, что вера вполне может существовать вне религии. Момент осознания этой истины бывает болезненным, так как принять ее не позволяют укоренившиеся убеждения. Оппозиция религии и веры раскрывается в содержании новеллы «Улыбается Боже». Отрицая авторитет мировых конфессий, автор обосновывает свое недоверие тем, что в них не ощущается «улыбки Бога». Ни один служитель церкви не обладает этим даром, да и в святом писании герой не находит Божьей улыбки. Результатом этой «улыбчивости» является все живое вокруг: *радуга, цветы, смех ребенка*. Смех Божий кроется в самых будничных, незаметных вещах, *«дорога к Богу – это ступеньки, сложенные из очень простых истин»* [Чипчиков 2008: 266]. Движение к Богу метафорически преподносится через образы *реки, тропинки, пути*. В произведении «Красивое это слово – тропинка» вновь предлагаются религиозные аллюзии в соотнесении с национальной картиной мира. Самой запоминающейся цитатой в тексте являются слова: *«Балкарцы говорят: «Чтобы оплатить один день материнского труда, надо дойти до Мекки с матерью на спине. А некоторые утверждают – и обратно»* [Чипчиков 2008: 256].

В прозе Б. Чипчикова заметно обилие пародийных элементов, «фарсовое обращение с религией и ее атрибутикой» [Коморовская 1999: 151]. В рассказе-

миниатюре «Пасха» иронически воспроизведены формальные атрибуты веры, выступающие в роли инверсии: привычные апостолы заменены двенадцатью злобными старухами с «глазами алчными», преграждающими людям вход в храм со словами «нехристи», от которых «пахнет старостью и смертью». Зеленые ворота, что ведут к церкви, называются воротами в мир иной. И на облаке виден Христос с 12 старухами, на соседнем же расположился Иуда. Мрачен лик Спасителя, присутствующего на празднике увядания, несмотря на то, что на улице весна. Слова Иуды «Предупреждал ведь, кого ради!» звучат с оттенком сожаления и упрёка. Вокруг излишняя суэта, «ощущение базара, толкучки». В данном отрывке остро ощущается «парадоксальность абсурдистского преломления» (Лихина Н.) библейского мифа в художественном тексте, определяя специфику авторской рецепции.

Для адептов религии «вера проявляется в следовании обыденным регламентациям <...>, в исполнении ставших привычными ритуальных действий» [Каменева 2014: 69]. В исламе таковыми являются омовение, совершение молитвы, посещение мечети, соблюдение коранических предписаний, демонстрация поклонения и преданности Аллаху. Ислам, по сути, и означает покорность воле Всевышнего. В христианстве это – поход в церковь, слушание проповедей, пост, покаяние, причащение и т.д. Не секрет, что некоторые эпизоды из Библии переключали в содержание Корана в качестве полноценных религиозных сказаний. Обе священные книги во многом созвучны друг другу, вероучения рассматривают взаимоотношения человека и Бога по принципу зависимости и подчинения воле Создателя, который может наказать или проявить милосердие. Отношение к человеку как к рабу божьему сближает тексты священных писаний. Данный постулат воспринимается Б. Чипчиковым как увод от существенного принципа в трактовке божественного промысла. Размышляющее начало подсвечивает несоответствие религиозных доктрин с пониманием божественного начала в человеке, верой в единый Источник, частью которого мы являемся.

В религии отождествление добра и зла с образами Бога и дьявола – явление обычное. В трактовке Б. Чипчикова бинарная модель мира и дуальный характер земного бытия раскрываются посредством противопоставления грозного ветхозаветного Господа и внецерковного Бога. Разница между равнодушным, гневливым Господом и Богом, в ком абсолютизирована Любовь, понимается как проявление дихотомии религии и веры. Писатель акцентирует внимание на выявлении неравнозначности этих понятий, хотя в привычном восприятии это одно и то же. Такова чипчиковская иерархия добра и зла.

Христианская парадигма обнаруживается в контексте большинства рассказов и новелл балкарского писателя. Знакомство с его творчеством приводит к переформатированию стойких убеждений в человеческом сознании: момент, когда приходит четкое понимание, что Бог не где-то там высоко в небесах вне досягаемости дергает за ниточки, решая, кого наградить за жертвенное служение и кого наказать за грехопадение. Каждый человек на примере собственной судьбы восходит на Голгофу, неся бремя своих грехов. В религиозных вероучениях тезис о милосердии Бога отрицается самой мыслью о неминуемом наказании за проступки, совершаемые людьми в течение жизни. Равнодушие и жесто-

кость Господа, стремящегося наказать нерадивых рабов, идет вразрез с идеей милосердия, всепрощения и абсолютизации божественной любви. Религия не гнушается жертвовать одним человеком во имя всеобщего блага. Герои Б. Чипчикова находятся в постоянном поиске истины, выбиваются из привычных шаблонов, превращаясь в изгоев социума, чувствуется их незащищенность и уязвимость, поскольку они максимально открыты миру, искренни как дети.

Общеизвестные религиозные символы веры – *крест* (в христианстве) и *полумесяц* (в исламе) не несут в прозе Б. Чипчикова ощутимого смысла, а лишь подсвечивают явные искажения. По мнению автора, истинная вера проступает в обыденных мелочах, остающихся незамеченными в суете жизни. Христианская и любая другая религиозная мораль подвергается ироническому толкованию. Устойчивые представления и паттерны поведения, утвердившиеся посредством религиозной аксиологии в массовом сознании, подвергнуты разоблачению. Писатель полемизирует с Библией, декларируемыми в ней постулатами, подчеркивая вред, наносимый сознанию ограничивающими убеждениями, окостенелым мышлением церковной паствы. Мысли Чипчикова глубоки, нередко противоречивы, но выводы, к которым приходишь после прочтения его произведений, имеют невероятную силу убеждения. Они совершенно «не укладываются в идеологическую парадигму» религии в том виде, в каком она преподносилась в течение тысячелетий. Нащупав нечто важное, что требовало выхода, раскрытия и объяснения, художник приходит к истине. Все есть энергия, вибрация, частота колебаний. Коллективное сознание множит бесконечное потребление человеческой энергии эгрегорами религий по принципу – на что обращен фокус внимания – туда и направлена энергия.

Предопределенность жизненных событий волей Бога также вызывает вопросы. По мнению писателя, многие аксиоматичные утверждения из Библии находятся за пределами элементарной логики. В ней заведомо бессмысленными видятся попытки доказательства «разумности» человечества. Считается, что обесценивание добродетели ведет к оскудению разума. Отталкиваясь от ветхозаветной легенды о первородном грехе, автор развивает аллюзивный сюжет в интертекстуальной манере. Церковь же спешит расценить это как признание изначальной греховности человека, допуская грубые искажения библейских историй в истотном варианте. Именно поэтому религия воспринимается писателем как увод от истины (т.е. от самого Бога), это как ходить по причудливому лабиринту, не находя выхода, тогда как он совсем рядом. Б. Чипчиков стремится к переосмыслению религиозных мифов, их преобразованию, отсекая все ненужное. Смена мерности (или уход из жизни) трактуется им как новый виток бесконечно возобновляемой энергии души.

Если для русского православия характерными качествами являются «церковность», «соборность» и «пасхальность», которые формируют своеобразный духовный реализм, то в подтексте чипчиковской прозы постулаты веры и теософские идеи подвергаются тщательной верификации, автор призывает избегать ортодоксальности и религиозного догматизма. Конфессиональные вопросы не особо волнуют писателя. Философия веры выражена в закодированной форме и суммирует опыт многих поколений. Так, в содержании рассказа «День, из

которого невозможно уйти» задействовано множество аллюзий из священного писания (библейские притчи об Иисусе, идущем по водной глади; Моисее, ведущем свой народ из Египта; Ноевом ковчеге и т.п.). Художник наполняет их актуальными для современной эпохи значениями. Автор сознательно обращается к историческому опыту народа, где схема существования общества подчинена законам циклического воспроизведения, а регулярно повторяющиеся события наводят на мысль об их рукотворности.

В указанном произведении присутствует прецедентный фрагмент вывода Моисеем народа израильского из Египта, путь к свободе и избавлению от рабского существования. Библейские сказания вплетаются в контекст рассказа в неожиданной плоскости. Картина эта накладывается на современность, метафорически раскрывая умножение зла в мире. Египет в данном случае служит олицетворением зла как такового, и ныне его границы «расширились безмерно». Условно люди (и человечество в целом) заключены в тиски этой несвободы. Несправедливость царит всюду, везде происходит подмена истинных ценностей ложными. Вопрос религии и сама тема противостояния различных мировоззренческих позиций, религиозных конфессий находят актуальное прочтение, и мы видим все те же два полюса, в границах которых проявлена дихотомия добра и зла.

Умозаключения Б. Чипчикова значительно расходятся с каноническими представлениями. Переосмысливая суть евангельской истории, автор пытается «разомкнуть догматический горизонт библейского текста до пределов секуляризованного свободомыслия, не порывающего между тем с христианской традицией, но оригинально продолжающего его» [Урюпин 2020: 19]. Художественный потенциал заимствованного сюжета расширяется, получая «надвременное» содержание. Писатель рисует новую духовную реальность в стремлении выйти за рамки теологических установок, преодолеть тенденциозность в толковании священного писания. Библейский миф получает, таким образом, социально-фактическое наполнение. Автором предложена трансцендентная модель действительности, всеобъединяющее миропонимание, а сюжеты его новелл превращаются в процесс разгадывания божественной тайны. Перенасыщенный афоризмами художественный текст воспринимается читателем как пространственный монолог о видимом и сокровенном («Там, где будет стоять дом»).

Философская концепция писателя нередко «перерастает в социально-утопические идеи» (Ю. Лотман), но в ней как никогда актуализируется образ Иисуса, который синтезирует в себе все лучшее в человеке, отождествляется с высшими этическими ценностями, олицетворяет идеал духовности – конечную точку нашего движения к самосовершенствованию. Человек в его истинной сути возвышается до уровня Христа, приравнивается к Богу. Писатель определяет его как грандиозный божественный замысел. В его понимании Создатель намеренно оставил свое творение незавершенным, чтобы каждый достраивал себя «по образу и подобию Божьему». Незавершенность эта не дает людям покоя на протяжении веков, им приходится достраивать себя из множества разрозненных фрагментов и деталей, щедро разбросанных по всей земле. В итоге каждый должен осознать Бога внутри себя, стремиться созидать, не «подлачивая» свою совесть и

не обкрадывая собственное счастье. Не достроивший себя человек так никогда и не познает Творца, следовательно, не постигнет совершенства его творений. Для этого нужно облагораживать душу светлыми мыслями, а тело – трудом.

Иисус как символ веры, воплощение абсолютной любви и самоотречения во благо человечества, предстает в прозе Б. Чипчикова высокодуховной личностью, осознающей нелепость происходящего вокруг него представления, что угнетает и тяготит Учителя (по одной из версий существовала скрытая конфронтация между двенадцатью апостолами, их борьба за внимание Христа). В прозе автора происходит переосмысление традиционного образа Иуды и миссионерской роли Иисуса. Известная легенда получает иную интерпретацию, писателем предлагается неканоническая версия истории предательства Иуды. Чипчиковский герой – не враг, предавший своего Учителя, но исполнитель предначертанного, незаслуженно оклеветанный в веках. Таким образом, кардинально меняется само толкование евангельских сюжетов, видение Б. Чипчикова диаметрально противоположно общепринятой трактовке и служит в качестве разоблачения религиозной эсхатологии. Автору важно осмыслить сакральные ценности, подсветить характер взаимодействия темной и светлой сторон внутри каждого человека.

Свободное обращение с религиозной атрибутикой не делает писателя атеистом, отнюдь, содержание его произведений лишь укрепляет читателя в убежденности, что автор глубоко верующий человек в истинном понимании этого слова. Он лишь стремится освободиться от застарелых, ошибочных воззрений, искаженных концепций веры. Писатель следует оппозиционным взглядам на церковь и религию, причины страданий людей вызывают в нем душевное негодование. Автор предельно обобщает жизнь посредством библейского мифа, теологемы приобретают общечеловеческое звучание. Помимо смысловой нагрузки религиозные мифы играют роль транслятора авторской концептуологии, углубляя исходник – первичное содержание евангельских историй. Архаика естественным образом вписывается в контекст его произведений, а миф получает множественность интерпретаций, всеобщность содержания.

В русскоязычном творчестве писателя наблюдается смешение стилей, синергия модернизма, абстракционизма, романтизма, постмодернизма и лирической прозы. Экзистенциальные мотивы и религиозные реминисценции играют ключевую роль в выражении философской концепции автора. Наблюдается увлеченность художника символическим иносказанием. Б. Чипчикову близки идеи неомифологизма, ориентированного на современное прочтение архаического мифа. Присутствие хтонических образов и узнаваемых мифологем усиливает в его произведениях эффект углубления во вневременное пространство. Прием наложения нескольких картин, многомерность художественного текста способствуют достижению нужного эмоционального воздействия на сознание читателя.

Неканонические версии библейских историй предложены Б. Чипчиковым и в повести «Нерестились рыбы в свете лунном». Произведение воспринимается как зашифрованная аналогия евангельского сюжета, «очерченная рамками притчи» (Касьянов А.). Библейский контекст определяется во всей структуре повести, здесь употребительны цитирования, аллюзивные включения, религи-

озная символика, экзистенциальные мотивы. В очередной раз происходит «идейный диалог» литературного текста и святого писания, художественное видение автора по-своему преломляет общеизвестные сюжеты. Цепь мыслей, система идей – все раскрывается в увязке с темой веры. Христианский миф выступает в данном случае смыслообразующим элементом содержания, обуславливая структурно-семантические особенности произведения, выражая субъективную философско-мировоззренческую концепцию. Библейский сюжет повести значительно «расширяет рамки до вневременных, вселенских, история отдельно взятого человека, народа, континента приобретает иной смысл» [Касьянов 2005: 18]. Измученная душа ищет путь к Богу; человек, утративший первоисточник и связь с Творцом, забывает о своем истинном предназначении в этом мире. В поисках целостности тела и духа он обращается к религии, но и она дает лишь искаженное представление. К этой идее начинают стягиваться все сюжетные линии повести.

Интересны способы внедрения религиозных аллюзий в художественную ткань произведения. Неприятие мира в том виде, в каком он существует на протяжении тысячелетий, характеризует главных персонажей – Марьям и Павла. Писатель подводит своих героев (и читателя в том числе) к осознанию величия момента здесь и сейчас, ценности искренних чувств и эмоций. Попытки изменить сложившийся миропорядок, упразднить догматы, пошатнуть «святые» устои видятся тщетными для многих из них. Развенчание «метанарративов» своеобразно оттеняет авторскую иронию.

Показная религиозность, привычные для ума атрибуты веры порицаются, религиозные и политические доктрины, ограничивающие свободу личности, отменяются нещадно, их «демонстративная показательность» кажется фальшивой. Зачастую манипуляции сознанием масс сближают религиозные и коммунистические нарративы. Декларируемые идеи расцениваются как утопические фантазии, ибо создают иллюзию «счастья», и сама история мыслится автором «как шизофренический бред, творимый людьми». Ориентация общества на идеологические «сверхмифы» (неважно религиозные или социально-политические) может привести к непоправимым последствиям, как итог или вероятное развитие событий – апокалипсис. Здесь мы можем наблюдать зеркальные проекции воли Господа и жестоких законов истории, которые одинаково трактуются как фатальная предопределенность людских судеб. Одни призывают к Царствию Божьему, другие стремятся к недостижимому светлому будущему, провозглашая утопические лозунги.

Весь исторический процесс преподносится художником в абсурдистской форме. События времен насаждения советской власти, а затем депортации фиксируются в повести Б. Чипчикова как эпоха нравственного и духовного вырождения людей. Писателем разъясняется вселенская природа добра и зла, в которой обнаруживаются «хтонические глубины». Повествование превращается в виртуальную гиперреальность, травестию, мистерию или заколдованный мир, где перед глазами то и дело мелькают гротескные картины (наваждения, воображаемые образы пещеры, вползающих змей, призраки коммунизма в виде танцующих теней и т.п.). Происходит жесткая переоценка ценностей в интерпретации

исторического прошлого народа. Символика повести сигнализирует о глобальных катастрофах, планируемых и разрабатываемых намеренно. Коммунистическая утопия и ее абсурдность, «красный террор» и его трагические последствия раскрываются на примере судеб главных действующих лиц произведения. Торжество добра, царство любви невозможны при таком жестоком отношении к человеку и целым народам (имеется в виду идеологический прессинг).

Мотивированно Мариям – самый неоднозначный персонаж повести, она видится как образ экзистенциального толка. Отторжение устоявшихся представлений, бунт против канонической церкви, отрицание ее догм и предписаний характеризуют Павла (в прошлом священника). Эти герои обречены на жизнь изгоев и скитальцев, поскольку их убеждения в корне не согласуются с этическими нормами христианской морали. Самовыражение всегда требует от человека свободы духа, понимания, что Бог внутри каждого, истина там же, а чистое намерение и есть мерило духовности. Пройдя через темную ночь души, герои Б. Чипчикова неизбежно перерождаются, оказываясь в точке невозврата к прежним убеждениям, в точке наблюдения и созерцания мастера, получающего в дар способность выражать веру собственным способом. Павел (по аналогии с одноименным апостолом) определяется одним из ключевых образов в повести. Мучительные сомнения героя не атеизм в привычном обывательском понимании, но стремление отделить те самые «зерна» истины от «плевел», добраться до сути. Он убежден в существовании Всевышнего Творца, но предпочитает идти к Богу своим путем. В самом начале того пути герой проходит через служение церкви, однако видя процесс изнутри, осознает бессмысленность поисков Бога в стенах храмов. Процесс «богопознания» Павла приводит к растожествлению и освобождению от навязываемых церковью установок. Персонаж Б. Чипчикова перенимает узнаваемые черты. Павел отвергает чье-либо посредничество между Создателем и собой, подтверждая своим примером мысль о том, что «безбожники тоже богоискатели». «По этому принципу организуется все повествование: вымышленные события позиционируются как реальные, идеологический герой мифологизируется, конкретно-исторический план перемежается с вольными фантазиями, вера соседствует с богохульством» [Лихина 2009: 88–89].

Путь духовного прозрения и самопознания всегда тернист и мучителен. Это протест против складывавшихся веками мировоззренческих установок, религиозной морали и социальных институтов, отрицание навязанных ограничений, освобождение от тисков псевдо вероучений, обличение лжи и дисгармонии в самом мироустройстве, вопиющие несоответствия преподносимого готового ответа действительному. Мучительны и неразрешимые вопросы нравственно-этического порядка. Человечеству долгое время внушалась «религия в пределах разума» (исходя из идеалистической философии Канта). Однако истинно то, что Бог и есть Любовь, меж ними должно быть абсолютное тождество. Жить в гармонии возможно только, если полюбить саму жизнь во всех проявлениях, и это не требует жертв, как принято считать. Религия и идеология, напротив, ориентированы «принудительно осчастливить» людей.

В прозе Б. Чипчикова раскрывается та самая иррациональность, которая не вмещается ни в какие теософские нормы. Его героям свойственен бунтарский дух, стремление для начала познать истину в самих себе. В понимании писателя кающийся грешник ценнее, чем толпа праведников, не осознающих сути веры. Мерила добра, любви, истины меркнут перед кодом Творца, изначально заложенным в человеке Богом. Писатель исследует тему вдумчиво и смело, процесс постижения веры происходит однозначно – через обретение Бога в самом себе. Зачастую людские страхи коренятся в религиозной догматике, гласящей, что человек раб, которому должно безропотно подчиняться воле Создателя. Абсурдность некоторых убеждений и высказываний выявляется через их простую стыковку друг с другом. Чтение религиозных нарративов мыслится как размывание личности внутри общей безликой массы, живущей в страхе, принуждении и подчинении. Максимально объективизируя предысторию жизни своих героев, Б. Чипчиков осмысливает христианский мотив страдания и пути к Творцу. И, поскольку страдание (катарсис) всегда приближает человека к Всевышнему, это возможность очищения от напускной фальши. В идеале встреча человека с Создателем произойдет только тогда, когда он будет искренен в своем стремлении найти путь к воссоединению с Богом, путь к духовному просветлению. В чем суть веры и ее сила? – на этот вопрос каждый должен ответить сам.

В контексте повести «Нерестились рыбы в свете лунном» вырисовывается Божественная троица. Имена основных персонажей также отсылают к Библии: Мариям – Дева Мария, Павел – один из апостолов Христа. Оба героя испытали на себе последствия ложного доноса, и оба «продираются» к свету Божьему. В контексте повести вселенское зло представлено во множестве inferнальных образов. Символическую нагрузку несет в себе *пещера*, в интерпретации автора – это метафора абсолютного зла. Писатель несколько переиначил первичный текст: в его толковании «в начале было Слово и имя тому – Свет» [Чипчиков 2008: 117]. В произведении обозначен типично христианский символ – образ рыбы, отсылающий к истории этого вероучения. Анимистические символы *змеи* (героиня «ощущала себя в пасти огромной змеи») и *рыбы* несут в себе сакральное значение, первый образ ассоциируется с притчей о первородном грехе (библейский Змей-искуситель в эдемском саду предстает орудием дьявола, источником греха), второй олицетворяет Христа и его жертвенное служение, ассоциируясь с христианством в целом. Подобная символика пронизывает все повествование. «Мифосуггестивные» образы служат фоном для разворачивающейся трагической истории судеб Мариям и Павла. Они закономерно перерастают выделенный для них фоновый режим, превращаясь в метатекстовое пространство произведения.

Помимо всего прочего в образ *змеи* вкладывается дополнительный смысл: он отождествляется с большевизмом (змеи везде – они выют гнезда, свисают с деревьев, вползают в пещеру, где танцует беснующаяся толпа теней, кишат в азиатских степях). Одурманенные идеями всеобщего равенства, люди были не способны пойти против коммунистической системы и становились слепыми орудиями в руках ее идеологов, оправдывающих и пропагандирующих насилие во имя «благих» целей. В повести обнажается типичная «болезнь» социума –

стадное мышление, именно оно увлекает человечество в адскую бездну. В этом усматривается деструктивный потенциал «коллективного бессознательного». Писатель пытается метафорически донести до сознания читателей абсурдность социалистических доктрин, новая власть ассоциируется с железом (запах железа преследует главную героиню Марию). «Советский рай», обещанный народу идеологами новой власти, являлся попросту неосуществимой утопией.

Итогом философских размышлений художника становится вывод об антигуманном характере любой идеологии – как религиозной, так и политической. Социализм выступает одновременно и как идея, и как некое подобие религии. В этом плане большевизм и фашизм абсолютно соотносимы. На подобную мысль наталкивают рукотворные исторические катаклизмы XX столетия. Показательно, что геноцид балкарского народа – изгнание с родной земли приобретает характер исторического эксперимента над сознанием людей. Контрастными выглядят воспоминания Марии о своем положении на родине (истребление всей ее семьи, постоянные гонения и травля, состояние на грани аффекта) и жизни в Средней Азии, сравнивая отношение социума к себе в разных условиях существования: у себя дома она чувствовала себя чужой, в изгнании же ощущала освобождение. Такой вот парадокс.

Экзистенциально значимыми для писателя являются моменты наивысшего проявления божественного духа в человеке. Персонажи Б. Чипчикова каждый по-своему проходят тяжелый, болезненный процесс качественной эволюции и трансформации сознания. Герои остаются в меньшинстве и потому оказываются изгоями общества, находясь по ту сторону от толпы. Не чувствуют необходимости идти туда, где большинство, не соглашаются на компромисс с совестью и молчаливое потворствование происходящему. Они наделены смелостью осознанного выбора остаться собой и нести ответственность за свой выбор. Оттого в контексте повести так очевиден мотив обездоленной судьбы, бесприютности и одиночества. Персонажи произведения постоянно сталкиваются с людским равнодушием. Сопряжение судеб Марии и Павла тоже не случайно, оба потеряли духовный ориентир, разочаровались в том, что считали истинным. Павел (в прошлом священнослужитель) отдалился от церкви, разуверившись в ее проповедях. Писателем определен вектор, выявляющий «когнитивные различия» (Комаровская Т.) между трактовками священных книг. Автор подмечает любые нестыковки, расхождения смыслов, значений, интерпретаций. Через образ Павла, «как человека, осознавшего связь с высшим миром бытия, но не являющегося выразителем христианской аксиологии» [Комаровская 1999: 150], демонстрируется нарушение норм, ставших обыденными. Отношение к Богу, вере и религии, как прямого транслятора этих идей, весьма определено и очевидно. Усваивается мысль, что традиция веротерпимости не имеет ничего общего с любовью к ближнему.

Б. Чипчиков весьма далек от морализаторства, однако в его творчестве естественным образом выстраивается собственная иерархия добра и зла, своя шкала ценностей, универсальная философская концепция и принципы существования. В прозе автора определяется целый ряд запоминающихся образов, являющихся резонаторами, рупорами этих идей: Мария и Павел в повести

«Нерестились рыбы в свете лунном»; дворничиха, метущая улицы ранним утром, делая этот мир чище в прямом и переносном смыслах («Здравствуй, незнакомый!»), «старушка в белом платочке с ситцевым узелком в руках» («Идущая по дорогам»), герои рассказов «Возвращайся свободным», «Озрок», «Джантуган» и другие. Те люди, что «выносили в себе эту свободу» («Меж крестом и полумесяцем») – думать и поступать не как все. Самым ценным навыком является талант любить, люди разучились проявлять это чувство друг к другу, в этом источник их несчастья, сетует писатель. Такие качества как милосердие, сострадание, гуманность, человеколюбие практически изжиты из сердец. Поэтому герои Б. Чипчикова неукоснительно следуют философии добра и любви, в этом они непреклонны. Часто муссируемый в искусстве мотив хаоса объясняется всепоглощающей злобой человеческой, она вызвана дефицитом любви. Любовь – это самоотдача без ожидания блага для себя, энергообмен по конам мироздания, безвозмездное дарение. Таковы хрестоматийные и недосыгаемые для большинства людей истины, основанные на контрапунктах: счастье / горе, радость / печаль, добро / зло, святость / греховность и т.д.

Б. Чипчиковым переосмысливается изначальная суть основных евангельских постулатов, пересматривается вся система смыслов и значений, отсылающих к священному писанию. Художник отсеивает из потока бесполезной информации крупинцы истины и вкладывает в умы читателей, чтобы взрастить в них самостоятельность мыслительных реакций. Понять многомерность чипчиковской прозы – нелегкая задача для неподготовленного сознания. Концепция писателя – это трансформирование религиозных констант, искоренение ошибочных, на его взгляд, представлений о том, кто есть Бог, и кем является человек в системе мироздания, в чем состоит божественный замысел, наделивший людей кодом Творца. Человек должен стремиться изменить себя, постичь истинную природу своего духа, осознать себя сотворцом, культивируя внутреннюю убежденность в своем праве менять событийный план в соответствии с задачами души, ее истинным предназначением. Опять же, это не бунт против Бога, но отрицание посредничества между человеком и Создателем.

Б. Чипчиков органично перевоплощается в духовного наставника. Феноменальность его прозы заключена в интуитивном постижении смыслов, заложенных в ней. Наблюдается интерпретация религиозных текстов через призму мифологии. Здесь нет историко-церковной либо агиографической информации, писатель художественно трансформирует ветхозаветные сюжеты. Вневременной характер мифа делает его универсальной формулой бытия. Осмысление же библейского мифа, как одного из важных аспектов творчества, является определяющим предпочтением писателя. Художник демонстрирует хорошее знание теологического материала, хотя «аутентичность первоисточника» не всегда им сохраняется. Произведения Б. Чипчикова не ограничены рамками евангельского текста, канонические сюжеты дополнены индивидуальными мировоззренческими тезисами. «При типологически сходном результате мифологизации литературы XX в. есть принципиальное различие в истолковании мифа в контексте произведений классического реализма и постмодернизма, в которых мифологические архетипы получают кардинально противоположные истолкования. Обь-

яснение этому следует видеть в двух причинах. Во-первых, концепции человека в реализме и постмодернизме носят взаимоисключающий характер; во-вторых, идея самой возможности поступательного развития человечества, привлекательная для писателя-реалиста, берется под сомнение постмодернистом» [Ишимбаева 1997: 145]. Русскоязычной прозе балкарского писателя свойственны черты новаторской мифологизации, мифотворчества на уровне эмпиризма через опыт чувственного познания. Это – гуманизированный миф, суть которого сводится к утверждению идей человеколюбия и близости к Богу в обход привычных схем, декларируемых религией.

Духовные поиски художника подытоживаются словами: не нужно бороться со злом, «*несправедливость, переполнив собственную вместимость, уничтожит самое себя*» [Чипчиков 2013: 75]. Очень точное замечание. Бог есть Любовь – максима, высшая константа, заключающая в себе все нюансы веры. Таково в целом идейное содержание прозы Б. Чипчикова, «унаследовавшего антропоцентричный гуманизм Возрождения» [Кирилова 1991: 63]. Рассказы, новеллы и повести балкарского писателя характеризуются причудливым переплетением разновекторных теософских знаний, почерпнутых из поликультурного пласта. Вне зависимости от творческих пристрастий и национальной принадлежности Б. Чипчиков оперирует древнейшими формами осмысления действительности. Автор «гуманизирует» архаический контекст, истолковывая библейские истории в парадигме постмодернистской эстетики, ориентируясь на трактовку евангельских историй в индивидуально-авторской интерпретации. Мифологическое видение, возможности рецептивной эстетики, интенциональность художника находят ответы на вечные вопросы, способствуя раскрытию сверхчувствования, квантовому скачку сознания через «интуитивное мифотворчество», постижение сакральных смыслов бытия в гармонии реального и ирреального.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Гемуева 2008 – *Гемуева С.* Возвращаясь свободным // Чипчиков Б.М. Мы жили рядышком с Граалем / Сост. и ред. Ф.И. Байрамукова. – М.: Эльбрусид, 2008. – 528 с.
- Ишимбаева 1997 – *Ишимбаева Г.Г.* Трансформация библейского мифа в литературе постмодернизма («Агасфер» Стефана Гейма) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Искусствоведение. –1997. – С. 144-150.
- Каменева 2014 – *Каменева М.Б.* Исламские мотивы и образы в русской литературе 20–30-х годов XIX века. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 155 с.
- Касьянов 2005 – *Касьянов В.Е.* Эволюция религиозности в постсоветской России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, – 2005. – 28 с.
- Касьянов 2007 – *Касьянов А.В.* Библейские мотивы и образы в сюжетостроении русского романа XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2007. – 20 с.
- Касьянов, Нечипуренко 2023 – *Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н.* Социология религии. Учебник для вузов. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 597 с.
- Кирилова 1991 – *Кирилова И.* Литературное и жизненное воплощение образа Христа // Вопросы литературы. – 1991. – №8. – С. 60-74.
- Коморовская 1999 – *Коморовская Т.Е.* Библейские мифы в русской и американской литературе // Репозиторий БГПУ. Научные публикации филологического факультета. – Минск. – 1999. – С. 150-154.
- Конрад 1972 – *Конрад Н.И.* Запад и Восток. Статьи. – М.: Наука, 1972. – 496 с.

Кремнева 1999 – *Кремнева А.В.* Функционирование библейского мифа как прецедентного текста: на материале произведений Джона Стейнбека: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999. – 22 с.

Лихина 2009 – *Лихина Н.Е.* Утопический аспект романа В. Шарова «Будьте как дети» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Филологические науки. – 2009. – Вып. 8. – С. 87-90.

Лотман 1996 – *Лотман Ю.М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 848 с.

Урюпин 2020 – *Урюпин И.С.* Библейский контекст в русской литературе конца XIX – первой половины XX века. Учебное пособие. – Издательство «Директ-Медиа», 2020. – 294 с.

Чипчиков 2008 – *Чипчиков Б.М.* Мы жили рядышком с Граалем / Сост. и ред. Ф.И. Байрамукова. – М.: Эльбрусид, 2008. – 528 с.

Чипчиков 2013 – *Чипчиков Б.М.* Благословение долгам моим. – Нальчик: Эльбрус, 2013. – 199 с.

Чипчиков 2018 – *Чипчиков Б.М.* Избранное. – СПб.: Русская коллекция, 2018. – 368 с.

Яропольский 2013 – *Яропольский Г.* Глубинная реальность / Борис Чипчиков: писатель-максималист, искатель, философ (к 65-летию балкарского писателя Б. Чипчикова) // Горянка. – № 47 (744). 20.11.2013.

REFERENCES

GEMUEVA S. *Vozvrashhajsya svobodny`m* [Come back free]. – In: Chipchikov B.M. *My` zhili ryady`shkom s Graalem*. – Sost. i red. F.I. Bajramukova. – M.: E`l`brusoid, 2008. – 528 p. (In Russ.).

ISHIMBAEVA G.G. Transformaciya biblejskogo mifa v literature postmodernizma («Agasfer» Stefana Gejma) [Transformation of the Biblical Myth in the Literature of Postmodernism ("Ahasuerus" by Stefan Geim)]. – In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iskusstvovedenie. –1997. – P. 144-150. (In Russ.).

KAMENEVA M.B. *Islamskie motivy` i obrazy` v russkoj literature 20–30-x godov XIX veka* [Islamic motifs and images in Russian Literature of the 20-30s of the XIX century]. – Bishkek: Izd-vo KRSU, 2014. – 155 p. (In Russ.).

KAS`YANOV V.E. *E`volyciya religioznosti v postsovetskoj Rossii* [Evolution of Religiosity in Post-Soviet Russia]. – Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, – 2005. – 28 p. (In Russ.).

KAS`YANOV A.V. *Biblejskie motivy` i obrazy` v syuzhetostroenii russkogo romana XX veka* [Biblical motifs and images in the plot-building of the Russian novel of the XX century]. – Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Perm`, 2007. – 20 p. (In Russ.).

KAS`YANOV V.V., NECHIPURENKO V.N. *Sociologiya religii. Uchebnik dlya vuzov* [Sociology of religion. Textbook for universities]. – M.: Izd-vo «Yurajt», 2023. – 597 p. (In Russ.).

KIRILOVA I. *Literaturnoe i zhiznennoe voploshhenie obraza Xrista* [Literary and life embodiment of the image of Christ]. – In: Voprosy` literatury`. – 1991. – № 8. – P. 60-74. (In Russ.).

KOMOROVSKAYA T.E. *Biblejskie mify` v russkoj i amerikanskoj literaturax* [Biblical Myths in Russian and American Literature]. – In: Repozitorij BGPU. Nauchny`e publikacii filologicheskogo fakul`teta. – Minsk. – 1999. – P. 150-154. (In Russ.).

KONRAD N.I. *Zapad i Vostok. Stat`i* [West and East. Articles]. – M.: Nauka, 1972. – 496 p. (In Russ.).

KREMNEVA A.V. *Funkcionirovanie biblejskogo mifa kak precedentnogo teksta: na materiale proizvedenij Dzhona Stejnbeka* [The functioning of the Biblical myth as a precedent text: based on the works of John Steinbeck]. – Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Barnaul, 1999. – 22 p. (In Russ.).

LIHINA N.E. *Utopicheskij aspekt romana V. Sharova «Bud`te kak deti»* [Utopian aspect of V. Sharov's novel "Be like Children"]. – In: Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologicheskie nauki. – 2009. – Vy`p. 8. – P. 87-90. (In Russ.).

LOTMAN Yu.M. *Russkaya literatura poslepetrovskoj e`poxi i xristianskaya tradiciya* [Russian literature of the Post-Petrine era and the Christian tradition]. – In: О пое`tax i пое`zii. – SPb.: Iskusstvo-SPb, 1996. – 848 p. (In Russ.).

URYUPIN I.S. *Biblejskij kontekst v russoj literature koncza XIX – pervoj poloviny` XX ve-ka: Uchebnoe posobie* [The Biblical Context in Russian Literature of the Late nineteenth – first Half of the twentieth century: Textbook]. – Izdatel`stvo «Direkt-Media», 2020. – 294 p. (In Russ.).

ЧИПЧИКОВ В.М. *Мы` zhili ryady`shkom s Graalem* [We lived side by side with the Grail]. – Sost. i red. F.I. Bajramukova. – M.: E`T`brusoid, 2008. – 528 p. (In Russ.).

ЧИПЧИКОВ В.М. *Blagoslovenie dolgam moim* [A blessing to my debts]. – Nal`chik: E`T`brus, 2013. – 199 p. (In Russ.).

ЧИПЧИКОВ В.М. *Izbrannoe* [Favourites]. – SPb.: Russkaya kollekcija, 2018. – 368 p. (In Russ.).

YAROPOL`SKIJ G. *Glubinnaya real`nost. Boris Chipchikov: pisatel`-maksimalist, iskatel`, filosof (k 65-letiyu balkarskogo pisatelya B. Chipchikova)* [Deep Reality. Boris Chipchikov: maximalist writer, seeker, philosopher (on the 65th anniversary of the balkarian writer B. Chipchikov)]. – In: Goryanka. – № 47 (744). 20.11. 2013. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Д. Атабиева – кандидат филологических наук.

Information about the author

A.D. Atabieva – Candidate of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 03.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 03.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.